

ЛУИ ЛОХНЕР

КРОВАВЫЙ КОНТРАКТ

МАГНАТЫ И ТИРАН

КРУППЫ • БОШИ • СИМЕНСЫ

И ТРЕТИЙ РЕЙХ

Луи Лохнер

**Кровавый контракт. Магнаты
и тиран. Круппы, Боши,
Сименсы и Третий рейх**

«Центрполиграф»

1954

Лохнер Л.

Кровавый контракт. Магнаты и тиран. Круппы, Боши, Сименсы и Третий рейх / Л. Лохнер — «Центрполиграф», 1954

Луи Лохнер – известный американский писатель и журналист, многие годы занимавший должность шефа Берлинского бюро информационно-новостного агентства Ассошиэйтед Пресс, долгое время работал в довоенной и послевоенной Германии. В предлагаемой читателю книге он подробнейшим образом, на основе тщательно изученных документов и фактов раскрывает историю отношений между крупными немецкими промышленниками, различными политическими партиями и правительством в период господства Третьего рейха и последовавшего затем его бесславного конца.

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	8
Глава 2	13
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Луи Лохнер

**Кровавый контракт. Магнаты и тиран:
Круппы, Боши, Сименсы и Третий рейх**

LOUIS P. L O C H N E R

TYCOONS AND TYRANT

GERMAN INDUSTRY FROM HITLER TO ADENAUER

Оформление художника Е.Ю. Шурлаповой

Предисловие

Цель этой книги – представить по возможности истинную картину отношений между германской индустрией, с одной стороны, и правительством и политическими партиями Германии – с другой, в период, начинающийся с появления на политической арене Адольфа Гитлера и его прихода к власти и заканчивающийся первым сроком правления канцлера Аденауэра.

Основное внимание будет уделено тяжелой промышленности, поскольку она играет жизненно важную роль в экономике Западной Европы. Но при этом здесь дан обзор состояния экономической системы Германии в целом со всеми ее сложностями и противоречиями.

В мире сложились некоторые четкие представления о роли германской индустрии, которые можно сформулировать следующим образом: германская индустрия привела Гитлера к власти; германская индустрия поддерживала Гитлера потому, что он обещал уничтожить рабочее профсоюзы; германская индустрия жаждала войны и вступила в сговор с Гитлером, чтобы ее спровоцировать; германская индустрия не оказывала нацизму никакого сопротивления.

Мне было интересно установить, насколько эти представления соответствуют действительности. Дело в том, что я очень хорошо знал Германию, так как работал сначала корреспондентом, а затем в течение четырнадцати лет шефом Берлинского бюро американского информационно-новостного агентства Ассошиэйтед Пресс. За долгие двадцать три года я оброс обширнейшими связями и встречался с влиятельными персонами во всех областях жизни страны моих предков. Служба в качестве военного корреспондента, а затем участие в экономической миссии Герберта Гувера, направленной в Германию и Австрию в 1947 году президентом Трумэном, помогли мне еще глубже понять и прочувствовать Германию и ее проблемы.

Предварительные расспросы показали, что наиболее полная документация по интересующему меня вопросу хранится в архиве Торгово-промышленной палаты в Эссене. Эта организация охотно предоставила мне неограниченный доступ к своим обширным материалам. Меня также заверили, что мои друзья по предвоенным годам, как и власти молодой Федеративной Республики Германии, готовы оказать мне всяческую помощь.

Первым делом я счел нужным подробно ознакомиться с фактическими данными по моей теме и несколько месяцев провел в эссенских архивах. Они снабдили меня множеством интересных фактов, прежде неизвестных широкой публике. Густой слой пыли, осевший на папках, говорил о том, что они обречены на забвение, если кто-то не возьмет на себя труд использовать их.

По опыту работы газетчиком я придавал огромное значение личному общению с людьми. Поэтому, закончив работу в архивах, я предпринял поездки в крупнейшие германские центры, посетив Бонн, Берлин, Гамбург, Бремен, Кёльн, Крефельд, Франкфурт, Мюнхен, Мангейм, Аугсбург, Нюрнберг, Гельдерберг, Штутгарт, Фридрихсхафен и особенно промышленные города Рура: Дуйсбург, Дюссельдорф, Дортмунд, Мюльхайм, Гельсенкирхен, Вупперталь, не говоря уже о самом Эссене. В 1953 году Госдепартамент США организовал мне лекционное турне по 30 городам Германии, где я выступал в американских культурных центрах. Это турне помогло мне еще глубже понять ситуацию в Германии.

Преимущественное значение для меня имели встречи с представителями двух групп промышленников: во-первых, со стремительно сокращающимся количеством капитанов индустрии преклонного возраста, которые занимали командные посты до и во время гитлеровского режима, и, во-вторых, с лидерами молодого поколения, чье умонастроение определяло курс германской индустрии в последующие годы.

В числе представителей старшего поколения, с которыми я беседовал, были следующие персоны (поскольку в Германии почти все лица, занимающие ответственные посты, имеют ученую степень доктора, читатель понимает, что к ним полагалось обращаться «герр док-

тор»): Хуго Эккелер, Йон Альфред Эдтэ, Фридрих Флик, Абрахам Фровейн, Тео Гольдшмидт, Людвиг Кастл, Герман Келлерман, Лейслер Кип, Клеменс Ламмерс, Рихард Мертон, Георг Мюллер-Орлингхаузен, Альфред Петерсен, Альберт Пич, Пауль и Герман Ройш, Пауль Вальтер Роланд, Альберт Шафер, Мартин Зогемайер, Фридрих Шпенрат, Хуго Штиннес-мл., Фриц Тер Мер и Густав Винклер, а также еще живущие члены бывшего руководства Круппа Альффрид Крупп фон Болен, Фриц фон Бюлов, Арно Гриссман, Фридрих Янссен, Карл Пфирш и барон Тило фон Вильмовски.

Из молодых руководителей индустрии я встречался с Эриком Блюмменфельдом, Бертольд фон Боленом, Фикко фон Бюлов-Шванте, Феликсом Эрманном, Готтардом фон Фалкенхаузеном, Фрицем Гуммертом, Фрицем Вильгельмом Хардахом, Германом Хобреккером, Максом Порше-мл., Эмилем Поуплиром, Эрнстом фон Сименсом и Рудольфом фон Вальдтхаузеном.

Во время посещения Бонна мне посчастливилось иметь очень интересные беседы и оживленные дискуссии с президентом Теодором Хойсом, канцлером Конрадом Аденауэром, министром экономики Людвигом Эрхардом, министром финансов Фрицем Шафером, министром иностранных дел Вальтером Хальштайном и с главами различных департаментов, в том числе Феликсом фон Эккардтом, Отто Ленцем и Рюдигером Шмидтом.

Неоценимую помощь в сборе информации мне оказывали политические лидеры, бывшие и действующие, к настоящему моменту уже покинувшие Боннское правительство, – Карл Арнольд, Генрих Брюнинг, Август Дресбах, Вилли Айхлер, Эрнст Леммер, Пауль Лобе, Ганс фон Раумер, Эрнст Рейтер, Карл Христиан Шмид, Карло Шмидт, Фридрих Штампфер и Карл Штролин.

Крайне полезными сведениями меня снабдили специалисты по экономике, экономические обозреватели, юридические советники крупных корпораций, работники архива, исполнительные директора и секретари Торговой палаты, личные секретари и технические руководители промышленных предприятий. Среди них – Гельмут Бауэр, Курт Блей, профессор Гоц Брифс, Ойген Бунцль, Генрих Бутефиш, отец Маркус Корман, пастор Арнольд Даненман, Карл Драйвер, Генрих Дросте, Курт Дуйсберг, Ганс Фетцер, профессор Ганс Фиккер, Ганс Флашнер, Фридрих Эрнст, Генрих Гаттино, Фердинанд Харекке, Пауль Хансен, Август Хайнриксбауэр, Якоб Херле, профессор Курт Гессе, Лоренц Хоккер, Вальтер Хоффман, Рольф М. Хоппе, Вальтер Хуммельсхайм, Гюнтер Йель, Мартин Йохансон, Отто Йон, Франц Кауфхольд, Артур Клоцбах, Отто Кранцбулер, Вольфганг Кюстер, Эрих Лихтенштайн, епископ Ханс Лили, Шарлотта Людвиг, Фридрих Вильгельм Мевес, Ойген Мундлер, Максимилиан Мюллер-Ябуш, Хайнц Нагель, Отто Фр. Петерсен, Вольфганг Поле, профессор Альберт Принцинг, Ганс Рехенберг, Эггерт Редер, Фриц Зангер, Эрих Шнайдер, Пауль Зете, Бернард Шкродцки, Йоханнес Шафер, Август Шмидт-Виншух, фон Вицлебен, Гельмут Вольтат, Хуго Врицнер и Манфред Цапп.

Приношу свою глубокую благодарность всем этим замечательным людям, а также тем, кого по случайности забыл упомянуть.

Луи П. Лохнер

Глава 1

Беспорядки и апатия начала 30-х годов

Для правильного представления настроения и деятельности лидеров германской индустрии перед приходом Гитлера к власти и во время его диктаторского правления необходимо вспомнить положение, в каком оказался германский народ в начале 30-х годов XX века.

Финансовый крах, произошедший в Нью-Йорке в октябре 1929 года и вызвавший Великую депрессию в США, особенно тяжело сказался на Германии, поскольку она была тесно связана с американской экономикой. Уолл-стрит предоставляла Германии громадные займы, в основном за счет которых она выплачивала репарационные платежи и осуществляла восстановление хозяйства страны после поражения в Первой мировой войне.

Парламентское правительство и без того находилось в крайне тяжелом положении. Ожесточенные дебаты по вопросу принятия плана Янга для окончательного урегулирования германских репараций доходили до политического фанатизма, когда оппоненты подвергались полному моральному уничтожению. Объектом яростных клеветнических нападок стал даже второй президент Веймарской республики фельдмаршал Пауль фон Гинденбург, которому в это время было уже за восемьдесят. 3 октября 1929 года скончался выдающийся германский экс-министр иностранных дел Густав Штресеман. В надежде предотвратить хаос Гинденбург в начале 1930-го убедил нового лидера католической партии центра доктора Генриха Брюнинга принять пост рейхсканцлера. Этот скромный, аскетичный человек, холостяк в возрасте 44 лет, предпочитавший в редкие часы отдыха изучать научные труды по экономике, подверг страну суровой программе дефляции, чем заслужил жестокий эпитет «канцлер голода».

Чрезмерно напряженная обстановка в рейхстаге затрудняла планомерную законодательную деятельность. Непредсказуемые результаты голосования депутатов, представлявших 12 политических партий¹, опрокидывали все прогнозы. Враждебное отношение к правительству Брюнинга достигало такой остроты, что даже столь непримиримые противники, как правые национал-социалисты и левые коммунисты, объединяли голоса, чтобы провалить меры, предлагаемые канцлером.

Брюнинг не видел иного способа спасти германскую демократию, кроме парадоксального – прибегнуть к диктаторским мерам, лично у него вызывавшим неприятие. Статья 48 Веймарской конституции давала право президенту рейха во времена национальной опасности временно приостанавливать действие некоторых основных прав, гарантированных конституцией. С согласия президента Брюнинг ввел кое-какие крайне необходимые меры президентским указом, обойдясь без одобрения парламента.

Здесь не совсем уместно подробно рассказывать об отвратительных интригах, благодаря которым у старого президента зародилось недоверие к этому достойнейшему и мудрому канцлеру. Достаточно сказать, что 30 мая 1932 года, то есть именно в тот момент, когда Брюнинг был на пороге успеха и в стране и за рубежом, его отправили в отставку. Вместо него в июне стал канцлером Франц фон Папен, а в декабре Курт фон Шлайхер, но ни тот ни другой не сумели справиться с трудной ситуацией.

Пока рейхстаг бестолково бурлил и шумел, топчась на месте, в стране нарастало возмущение и разочарование. Быстро следующие друг за другом выборы и роспуски парламента ни одной партии не приносили бесспорного мандата на лидерство.

---

¹ Фактически в то время в Германии было 36 политических партий, но лишь 12 из них удалось выбрать депутатов в народный парламент. (Здесь и далее примеч. авт., кроме примеч. пер.)

По Веймарской конституции, предусматривающей пропорциональную представительскую систему, каждая партия получала число мандатов в соответствии с количеством поданных за нее голосов. Депутаты выбирались не прямым голосованием избирателей; каждая партия вносила в свои списки намного больше кандидатов, чем предполагалось выбрать. Порядок внесения своих кандидатов в бюллетень определяло партийное руководство. Естественно, самые «надежные» места предназначались тем кандидатам, которых партия считала самыми важными. Кандидат мог избираться в качестве представителя всей страны или конкретного географического района либо мог быть внесен в оба списка.

Когда становились известны результаты голосования, партийное руководство решало, какой из двух мандатов должен принять прошедший в парламент ее кандидат и на какое место передвинуть следующего по списку кандидата. Эта чрезвычайно сложная и запутанная система выборов только отдаляла политические партии от электората.

У избирателя имелся широкий выбор кандидатов, но избранный представитель не нес перед ним никакой ответственности. Справедливо будет сказать, что Веймарская республика, несмотря на демократическую конституцию, принятую в 1919 году убежденными либералами с самыми благими намерениями, то есть в тяжелейший момент после поражения в войне, все же не стала образцовой демократией. Эта страна, где бюрократия была такой же влиятельной силой, как в Америке во время президентства Франклина Рузвельта, внезапно и без подготовки перешла к республиканскому строю. Чиновничество продолжало играть решающую роль не только в правительстве, но и в политических партиях, в рабочих профсоюзах и в противостоящих им различных организациях работодателей.

Когда на смену имперскому строю пришла молодая германская республика, слово «амт-лих» («официально», «официальный»), к которому немцы с детства питали самое глубокое почтение, обеспечивая их послушание и дисциплину, частично утратило свою магическую власть. Однако и до сих пор оно воспринимается крайне серьезно. Любое заявление со словом *amtlich* (особенно если оно исходит от человека в форме) со стороны правительственной канцелярии, руководства профсоюза, секретариата клуба филателистов или женского кружка кройки и шитья вызывает если не подчинение, то хотя бы уважение.

Партийных функционеров гораздо больше заботила самоотверженная преданность своей партии ее избранных депутатов, чем их ответственность перед избирателями. Фракцёнсванг (обязательное голосование всей фракции данной партии в соответствии с решением ее большинства или с мнением руководителя фракции) вынуждало депутата под страхом исключения из партии голосовать против своей совести. Депутат католической партии Центра Адам Штегервальд, бывший премьер-министр Пруссии и министр труда, назвал рейхстаг Интерес-сентенхауфен, имея в виду, что он защищает не принципы, а интересы особых групп.

Население страны было недовольно работой парламентариев. Оно потеряло веру в способность править страной тех институтов, которые само создавало для защиты своих особых интересов – в частности, для защиты интересов профсоюзов. Они не были коррумпированы, просто стали слишком бюрократичны, а потому и слишком неповоротливы и не умели энергично действовать в критические моменты.

Социал-демократическая и центристская партии больше других чувствовали свою ответственность за руководство молодой Веймарской республики. Но они устали, как устают и американские политические партии, когда слишком долго находятся у власти, и оказались не способны предложить конструктивные идеи, которые обнадежили бы народ. Буржуазные партии справа от центра – демократическая и консервативная – были истощены непрерывной борьбой. Деловой мир видел, что усиливающийся политический хаос наносит страшный вред их интересам, и все чаще и настойчивее требовал «твердой руки».

Промышленность приходила в упадок. Тысячи предприятий либо полностью закрывались, либо сокращали рабочий день и даже неделю. Количество безработных составляло от

шести до семи миллионов; вместо созидательной работы люди целыми днями стояли в очередях за жалким пособием по безработице. Это был период безнадежности, апатии и отчаяния. Угрожающе росло сочувствие коммунистическим идеям.

Хуже всего была ситуация в Рурском промышленном районе. В этом центре германской индустрии у шахт скапливались громадные насыпи добытого угля, который не находил сбыта. Владельцы угледобывающих предприятий не могли платить своим кумпелс².

Следует помнить, что уголь – основа основ всей промышленной системы Рура. Даже сегодня Западная Германия обладает 35 % всех залежей угля Западной Европы и 70 % коксующегося угля. Больше нигде в Европе не добывается уголь столь высокого качества. Синонимом Рура стала еще одна крупнейшая отрасль промышленности – сталелитейная, основанная на крайне дешевом угле и газе.

В Руре имелись шесть огромных металлургических концернов. Это, во-первых, «Стальной трест», объединение семи больших металлургических предприятий с томасовскими, мартеновскими и электрическими печами. Во-вторых, всемирно известный концерн Круппа, который неправомерно связывают только с производством оружия. В-третьих, акционерное горно-металлургическое товарищество «Гуте Хоффнунгсхютте Акциенфайн фюр Бергбау унд Хюттенбетриб», в дополнение к своей разветвленной деятельности в районе Рура сотрудничавшее с машиностроительными заводами Аугсбурга и Нюрнберга (концерн М.А.Н., расположенный на юге Германии). В-четвертых, акционерная горно-металлургическая компания Хёша в Дортмунде. В-пятых, семейный сталепрокатный концерн наподобие крупновского «Клёкнер-Верке». И наконец, в-шестых, завод «Маннесман Рёренверке», в основном производящий трубы.

Кроме этих шести гигантов, было еще два концерна, у которых имелись значительные заводы в Руре, но основное производство находилось в других районах Германии, – это концерны «Отто Вольф» и «Фридрих Флик».

В начале Второй мировой войны эти восемь предприятий Рурского района в целом производили 16 млн тонн стали. Для обеспечения бесперебойных поставок первоклассного угля и железной руды, необходимых для высококачественной продукции, каждый из них владел большими угольными и железными рудниками.

Но в начале 30-х годов эта мощная индустрия находилась в опасном положении. Из-за отсутствия заказов приходилось закрывать одну домну за другой. Понятно, что с каждым днем и рабочими и хозяевами предприятий все больше овладевало уныние. Вообще вестфальцы народ трудолюбивый, рассудительный, с устоявшимися взглядами на жизнь, не склонный к поспешным заключениям, поэтому они не легко поддаются политической агитации. Теперь же безработные массы, которым нечем было заняться, начали внимательнее прислушиваться к коварным речам коммунистических ораторов, призывающих «прогнать дымящих баронов»³.

Третьей высокоразвитой и важной отраслью промышленности Рура была химическая. Профессор Норман Дж. Г. Паундс говорил: «Химическая промышленность родилась непосредственно из побочных продуктов перегонки каменного угля. Ресурсы рурских угольных залежей являются богатейшими в Западной и Центральной Европе, кроме, пожалуй, запасов в Верхней Силезии [в настоящее время находится за железным занавесом]»⁴.

Бесчисленные химические заводы, многие из которых входили в конгломерат германских концернов «ИГ Фарбен», тоже оказались втянутыми в воронку Великой депрессии.

---

² Kumpel (нем.) – шахтер, горняк (разг.).

³ Буквально это слово означало владельцев промышленных предприятий, чьи высокие трубы «усеивали» весь Рурский район.

⁴ Pounds N.J.G. The Rur. Bloomington, Ind.: Indiana University Press, 1952. P. 135.

Если вспомнить, что предприятия этих трех промышленных отраслей Рура были сосредоточены на территории меньше 200 квадратных миль и что на них обычно работали 567 тыс. рабочих, то легко понять, насколько напряженной была в этой области политическая, экономическая и социальная обстановка в описываемый период. Частым явлением стали волнения, подстрекаемые радикалами крайне правого и левого толка.

Тяжелая ситуация в Германии влияла и на весь континент. Еще в 1919 году непримиримый критик Версальского договора Джон Мейнард Кейнс указывал на тесную взаимосвязь Германии с остальными европейскими странами. Он писал: «Вокруг Германии, как вокруг центрального стержня, группируется вся остальная европейская экономика, и благополучие всего континента напрямую зависит от процветания и предприимчивости Германии. Ускоренно развивающаяся Германия дает рынок сбыта для продукции ее соседей, в обмен на которую Германия обеспечивает по низким ценам их основные потребности в сырье. Статистические данные показывают всю глубину взаимной связи и зависимости друг от друга Германии и ее соседей»⁵.

Стоит ли удивляться, что иностранные бизнесмены забрасывали германских партнеров озабоченными вопросами, когда же в стране восстановится спокойная политическая обстановка, чтобы можно было возродить прежние экспортно-импортные отношения. Но германская индустрия ничем не могла их обнадежить.

И в этой обстановке всеобщего тупика отчаяния оглушительно раздался голос провокатора и демагога, обладающего поразительной способностью угодить всем и каждому. Он настолько поражал всех своими топорными ораторскими приемами, непоследовательной логикой, чрезмерным употреблением общих фраз, грубыми манерами, отсутствием каких-либо личных достижений, поверхностным образованием и превратным представлением об истории, не говоря уже о чудовищно нелепых ритуалах, придуманных им для своего продвижения, что большинство убежденных демократов, включая интеллектуальную элиту профсоюзов и социал-демократической партии, не принимали его всерьез – пока не стало слишком поздно. К моменту, когда они очнулись от легкомысленного представления о Гитлере как о какой-то комической фигуре в духе Чарли Чаплина, он успел создать самое мощное политическое движение в современной истории.

Алан Буллок всем нам оказал огромную услугу, описав Гитлера как дьявола, кем он и был на самом деле⁶.

Мне доводилось разговаривать с Гитлером, наблюдать за ним вблизи и видеть его в действии. Я считаю анализ Буллока в его книге «Дер Фюрер» самым выразительным и убедительным из всех опубликованных до сих пор. Для понимания причин возвышения и правления Гитлера необходимо отбросить все предубеждения и честно признать, что Гитлер был своего рода гением – да, злым и безнравственным гением, чья растущая мания величия привела его к безумию, но тем не менее гением, в ком жил истинный дьявол, вселивший в него энергию и полное отсутствие какой-либо морали. Человеку его типа, обладающему ораторским даром и оказавшемуся в тяжелейшей ситуации, с какой германская нация столкнулась в начале 30-х годов, не стоило труда воспользоваться этим положением молодой Веймарской республики, тем более что она не получила необходимой поддержки со стороны иностранных государств. Отчаявшийся народ всегда ищет мессию, что мы видели на примере штата Луизиана и ее губернатора Хьюи Лонга. И это ожидание захватывает даже интеллектуальную элиту, если во времена нестабильности и неуверенности в завтрашнем дне на политической арене появляется человек, который интуитивно находит нужный психологический подход и объявляет себя спасителем нации. Вообще человек абсолютно уверенный в себе и обладающий неиссякаемой энергией неизменно привлекает к себе интеллектуалов.

---

⁵ *Keynes J.M. The Economic Consequences of the Peace. New York: Harcourt, Brace & Howe, 1920. P. 16.*

⁶ *Bullock A. Hitler, a Study in Tyranny. London: Odhams Press Limited, 1952.*

Адольф Гитлер рисовал прекрасное будущее объединенной нации, свободной от борьбы политических партий, от классовой борьбы, от угрозы безработицы, от иностранного вмешательства, гордо занимающей «подобавшее ей место» среди других народов, признающих ее права и законы.

Глава 2

Отношение к Адольфу Гитлеру

Результаты выборов в рейхстаг в сентябре 1930 года стали сенсацией для многих германских бюргеров. Представители движения, возглавляемого Адольфом Гитлером, которого большинство политиков не принимали всерьез, составили вторую по численности партийную фракцию в республиканском парламенте. Вместо жалких 12 мандатов из 470, которые национал-социалисты получали с 1929 года, теперь у них оказалось 107 мандатов! Этот прорыв особенно впечатляет на фоне того факта, что социал-демократическая партия, только за два года до выборов ставшая влиятельнейшей партией в стране, впервые с момента принятия Веймарской конституции увидела среди депутатов всего одного из своих представителей – Германа Мюллера.

Отныне никто уже не мог отмахнуться от нацистов как от шумного и вздорного меньшинства в парламенте. Стало ясно, что их движение получило широкую поддержку во многих областях Германии. Каждому немцу предстояло определить свое отношение к этому странному ефрейтору, австрийцу по рождению, который делал пробор справа, говорил на баварском диалекте, доходил до иступления во время публичных выступлений и сделал претенциозное приветствие «Хайль Гитлер!» обязательным для 6,5 млн своих приверженцев, а затем и для всей нации, составляющей 65 млн.

Самозванный фюрер, то есть лидер, доказал свое политическое чутье даже названием, которое он дал основанной им партии: национал-социалисты. Блестящее соединение контрастных, взаимоисключающих понятий! Оно сразу привлекло внимание всех классов общества и всех политических групп.

Гитлер предложил идею, привлекающую всех, кого не удовлетворял интернационализм двух главных левых партий. Среди этих примитивных патриотов были миллионы военных ветеранов. К ним он обращался особо: «Я один из вас. Как и вы, я сражался в окопах. Я не из высших чинов, а такой же солдат, ветеран, как и вы. Я – неизвестный солдат».

«Может, он поймет наши проблемы лучше, чем интеллектуалы и аристократы, которые правили нами до сих пор, – думали многие. – Ведь он такой же фронтовик, как и мы».

Для недовольной буржуазии у него тоже находились нужные слова: «Все наши беды происходят от Версальского договора, навязанного нам группой коварных интернационалистов, в основном евреев. Я не только аннулирую Версаль, но и очищу наше общество от предателей».

Его яростная критика Версальского договора гарантированно вызывала в слушателях взрыв безрассудных эмоций. Те же, кто считал для себя неприличным присоединиться к его шумным демонстрациям, потихоньку признавались, что отдадут свои голоса этому смелому и решительному противнику договора, подчеркивающего поражение Германии и приведшего к долговременному унижению всего народа.

Благодаря своему редкому дару угождать всем и всякому, Гитлер сумел привлечь в свой лагерь даже убежденных монархистов, никогда не одобрявших Веймарскую республику. Мне известно о его обещании и германскому принцу Вильгельму, и баварскому кронпринцу Рупрехту восстановить в стране монархию, если он придет к власти. Оба поверили его торжественному обещанию, но, как и многие другие, позднее поняли, что их попросту нагло обманули. А пока в монархических кругах поговаривали, что энергичный молодой лидер нацистской партии сможет сделать то, что оказалось не по силам дряхлому президенту-фельд-маршалу.

До сих пор основная масса населения поддерживала социал-демократов и католическую партию Центра, а также их профсоюзы – Альгемайне Дойче Геверксchaftс-Бунд (Всеоб-

щую конфедерацию профсоюзов) и Христлихе Геверкшафтен (Христианские профсоюзы). Но неустанная гитлеровская агитация внесла разброд в ряды их лидеров.

Фридрих Штампфер, член рейхстага от социал-демократов и главный редактор газеты «Форвартс», осенью 1932 года посетил полномочного представителя Советской России в Германии Льва Хинчука. Он просил его воздействовать на германских коммунистов и убедить их присоединиться к борьбе против Гитлера. Хинчук обещал ему подумать, считая нужным прежде проконсультироваться с Москвой. Через несколько дней его секретарь по связи с прессой принес ответ: «Простите, но прежде, чем победит коммунизм, к власти должны прийти нацисты».

Исполнительный комитет социал-демократической партии направил конфиденциальный запрос Всеобщей конфедерации профсоюзов, спрашивая, не следует ли в целях предотвращения государственного переворота Гитлером объявить всеобщую забастовку, как это было успешно сделано для разгрома капповского путча против Веймарской республики в 1921 году. Ответ был следующий: тщательный анализ показал, что за время Великой депрессии примерно одна треть членов партии перешла на сторону коммунистов; еще одна треть уже марширует в колоннах под знаменами с фашистской свастикой; и только треть осталась верна идеям социал-демократии. Всеобщую забастовку проводить нецелесообразно, ибо для ее успеха необходима солидарность всех членов партии. Если же забастовка провалится, то рухнет последний бастион против рабочего радикализма – умеренных социалистов, которые пока еще занимали главное положение в профсоюзах.

Получив отказ руководства конфедерации, социал-демократы обратились с просьбой о призыве к всеобщей забастовке к профсоюзным лидерам Саксонии, считавшейся самой радикальной из земель федеративной Германии. Но и те отклонили эту идею, мотивируя тем, что при семи миллионах безработных предприниматели без труда наймут штрейкбрехеров, в результате чего ожидания, возлагающиеся на самое мощное оружие рабочего движения, окажутся иллюзорными.

Обе группы, к которым обращались социал-демократы, подчеркивали, что их сторонники не располагают никаким оружием, тогда как, судя по уличным потасовкам нацистов, по на шумевшему убийству в Потемпе⁷ и дракам в пивных, они хорошо вооружены. Руководство профсоюзов считало, что борьба в столь неравных условиях равносильна самоубийству.

Для многих лидеров социал-демократов, истощенных длительным противостоянием с левыми и правыми врагами Веймарской республики, отказ рабочего движения от борьбы стал последней каплей. Упав духом, они начали приспосабливаться к фактическому положению дел. Как убежденные демократы, говорили они, мы не можем идти против воли народа. Если им нравится нацизм, пусть Гитлер попробует править страной. Согласно демократической конституции, партия, получившая большинство в рейхстаге, имеет право выдвинуть своего кандидата на пост канцлера. Если верх возьмет партия Гитлера, как истинные демократы, мы вынуждены будем смириться с этим фактом. Такое логическое обоснование позволило позднее Йозефу Геббельсу высокомерно заявить: «Мы воспользовались демократическими принципами, чтобы расправиться с самой демократией!»

Большинство социал-демократов успокаивали свою совесть примерно такими рассуждениями: «Уже через несколько месяцев станет ясно, что нацисты просто не в состоянии править страной», «Пусть Гитлер попробует руководить, скоро он кончит полным провалом» или «Эти нацисты тоже каши не сварят».

---

⁷ 9 августа 1932 г. пятеро нацистов хладнокровно расстреляли в деревне Потемпа, Силезия, коммуниста Питрзуха. Само по себе убийство никого не поразило, однако, когда Гитлер направил убийцам одобрительную телеграмму, оно вызвало широкий резонанс в обществе.

Пауль Лобе, убежденный социал-демократ, который непримиримо боролся против нацизма и одним из первых оказался в концлагере, бывший президент рейхстага, то есть его спикер, грустно и вместе с тем с иронией признавался в своих мемуарах: «Вряд ли можно сказать, что в эти недели политические партии, в том числе социал-демократическая, и профсоюзы проявляли бдительность и отвагу. По вопросу, может ли упорное сопротивление предотвратить захват власти нацистами, существовали самые противоречивые мнения. Большинство наших приверженцев ожидали активного сопротивления, но лидеры были убеждены в бесполезности кровавого противостояния. В результате все партии одинаково смирились с поражением»⁸.

В разговоре со мной Пауль Лобе вспомнил в качестве характерной черты того периода, как Отто Вельс, председатель германской социал-демократической партии, надеялся, что правый «Стальной шлем» не позволит Гитлеру захватить власть, тогда как Зигфрид фон Кардорф, бывший в то время вице-президентом рейхстага от правых, возлагал надежды на то, что решительный удар по нацистам нанесет орган левых «Рейхсбаннер»!⁹

Адам Штегервальд, министр труда в кабинете Брюнинга и бывший премьер-министр Пруссии, всегда был всеми уважаемым председателем Христианских профсоюзов. Его организация, в основном объединяющая рабочих католиков, как и Всеобщая конфедерация профсоюзов, где преобладали социалисты, с каждым днем становилась все малочисленнее, в то время как нацистское движение набирало все больше и больше сторонников. Штегервальд выбрал тактику поведения, полностью отличающуюся от линии социалистов: он считал возможным и даже целесообразным несколько ослабить движение нацистов, внедрив в него людей, не верящих в нацистские идеалы. И дошел до того, что предложил Христианским профсоюзам целиком присоединиться к национал-социалистам.

Последовавшие затем события прекрасно описал Якоб Райхерт, исполнительный директор Экономической группы, представляющей металлургическую промышленность, в своих показаниях на Нюрнбергском процессе¹⁰:

«Когда архиепископ Бреслау, являющийся в то время кардиналом германской католической церкви, узнал о намерениях Штегервальда, он пригласил его на аудиенцию. Профсоюзного лидера ожидала встреча не только с кардиналом, но и с группой церковных иерархов. Он всеми силами пытался убедить служителей церкви в необходимости присоединиться к сторонникам Гитлера.

Но те оставались при своем мнении. Тогда Штегервальд пустил в ход последний козырь. «Такая возможность предоставляется нам только один раз, – предостерег он. – И если мы сейчас не присоединимся, значит, упустим наш единственный шанс».

На что уязвленный кардинал, по словам Райхерта, сухо молвил: «В таком случае, Адам Штегервальд, мы окажемся в достойной компании. Дьявол искушал Иисуса Христа, приведя его на высокую гору и показав ему все царства мира и славу их. Но он тоже отказался от единения с ним».

Эти слова образумили Штегервальда. С тех пор он стал непримиримым противником Гитлера. Военная администрация американской оккупационной зоны Германии назначила его начальником окружного управления Вирцбурга, где он и служил до своей смерти в декабре 1945 года.

Хотя далеко не все лидеры католической партии Центра готовы были последовать за Штегервальдом, многие считали, что нужно позволить Гитлеру взять на себя ответственность за

---

⁸ Lobe P. Erinnerungen eines Reichstagspräsidenten. Berlin-Grüne-wald; Arani Verlags-G.m.b.H., 1949. S. 147.

⁹ «Стальной шлем» (Stahlhelm) – консервативная партия ветеранов войны, сравнимая с Американским легионом; «Рейхсбаннер» – боевая организация защитников Веймарской республики и ее знамени.

¹⁰ Военный трибунал № IV, Дело V. Заседание 28 августа 1947 г., с 9:30 до 12:30. Перекрестный допрос свидетеля Якоба Райхерта адвокатом Отто Кранцбулером.

страну, что, как они надеялись, отрезвит его. Зная об этом, канцлер Брюнинг с одобрения своих товарищей по центристской партии неоднократно заявлял о недопустимости вхождения фюрера в коалиционный кабинет министров. Но его призывы не имели успеха.

Еще одна большая политическая группа, с опасением наблюдавшая за возвышением Гитлера, была немецкая национальная народная партия (Дойч-Нацонале Фолькспартай). Во время злосчастного руководства Альфреда Гугенберга эта партия стала ослабевать. Одна фракция уже откололась, как и множество других политических групп вроде немецкой консервативной партии (Дойч-Консервативе Партай) во главе с Готфридом Тревиранусом. Остальных грозили поглотить нацисты с их неумемной энергией.

С 1909 по 1918 год Гугенберг был председателем правления директоров концерна Круппа, но к началу 1917 года нарушил его священную традицию держаться в стороне от политики и начал скупать различные газетные издательства и информационные агентства. Его освободили от должности, и он приобрел прозябавшую в нужде берлинскую газету «Локал-Анцфгер». Так началась его карьера в столице Германии, и вскоре он стал влиятельным издателем, владельцем огромной кинокомпании УФА и главой немецкой национальной народной партии. Он был типичным образцом немецкого бизнесмена, поздно вошедшего в политику. Крепкий и коренастый, с седым ежиком волос, он представлял собой довольно нелепую фигуру во фраке и с торчащими в стороны кончиками усов, как у бывшего имперского сержанта по строевой подготовке.

Гугенберг льстил себя надеждой, что сможет подчинить Гитлера. Как и многие наивные состоятельные немцы, он считал, что с деньгами можно добиться всего чего угодно. Он признавал, что у фюрера есть одно необходимое качество для политического успеха: Гитлер был способен завоевать доверие масс, хотя и не обладал обаянием. С другой стороны, Гугенберг глубоко презирал окружающую Гитлера грубую чернь, которая, по его мнению, не способна руководить государством. «Пусть Гитлер обеспечит массы, – говаривал он в кругу доверенных лиц, – а уж мы обеспечим мозги».

Для сомневающихся среди гугенбергских консерваторов у него была наготове такая оценка: «Нацисты как молодое неперебродившее вино; но когда процесс ферментации закончится, они утихомируются».

Предвосхищая возможную коалицию нацистов с центристами, 11 октября 1931 года он организовал на водном курорте в Гарцбурге, что находится в горах Гарца, совместную встречу националистов всех оттенков, куда пригласил Гитлера с колоннами его марширующих в форме сторонников. Для всех нас, кто присутствовал на Гарцбургской встрече в качестве наблюдателей, было ясно, что Гугенберг просчитался. Гитлер весьма охотно использовал Гугенберга, а вот Гугенбергу не дано было использовать Гитлера. Спустя неделю фюрер устроил собственное шоу в Брауншвейге, которое ясно продемонстрировало, где находится реальная сила лагеря националистов.

Лидеры германской промышленности, в отличие от среднего и рабочего класса, не спешили сходиться с Гитлером и его движением. Правда, за несколькими исключениями. Владелец электрохимического завода в Баварии Альберт Пич еще с 1923 года время от времени ссужал

Гитлеру по 100 марок (250 долларов). Также нацистам оказывали финансовую поддержку Карл Бехштейн, производитель фортепьяно и пианино, коммерческий советник Гуго Брукман из Мюнхена, издатель трудов Хьюстона Стюарта Чемберлена. Но в мире промышленников это были мелкие сошки. В Руре самый богатый акционер «Стального треста» Фриц Тиссен уже в начале 30-х годов проникся сочувствием к нацистам и уговорил местного магната, старика Эмиля Кирдорфа, связать свою судьбу с лидером движения «коричневорубашечников».

Однако в целом крупные промышленники не интересовались Гитлером до выборов в рейхстаг в 1930 году, наглядно показав, что к этому буйному человеку стоит внимательнее приглядеться.

Обычно промышленники игнорировали политику. Для того чтобы быть в курсе политической ситуации, они пользовались услугами своих специальных репортеров или референтов, получающих жалкие гроши. К чему заниматься этим лично? Гораздо важнее управлять предприятиями, приносящими огромные прибыли, чем читать или слушать о бесконечной болтовне в рейхстаге, которая представлялась им из рук вон плохо организованным бизнесом. Политику они воспринимали как необходимое зло. Многие, а может, и большинство формально принадлежали к какой-нибудь партии. Но участвовали в политике лишь для конкретных целей. Однако в принципе им было свойственно полное равнодушие к политике.

Мало кто из них удосужился прочитать «Майн кампф» – и в этой ошибке они были заодно с миллионами немцев и иностранцев¹¹.

Когда наконец магнаты встревожились, то заинтересовались экономической программой Гитлера. Но в лучшем случае она была просто непонятна. Гитлера экономика не заботила. Хотя он невероятно ловко наживал деньги и любил их тратить, но никогда не вникал в суть экономического процесса. Если против какого-нибудь его любимого проекта раздавались разумные возражения, он отвечал специалистам и другим сомневающимся в практичности его мер: «Это должно быть сделано потому, что должно». Он старался лично не склоняться ни к каким конкретным экономическим взглядам, предпочитал обсуждать финансовые, деловые и производственные проблемы в самых общих чертах. А вот эксцентричному экономисту Готфриду Федеру удалось добиться такого доверия Гитлера, что тот сделал его экономическим теоретиком нацистской партии. Федер придерживался средневековой идеи о том, что взимать проценты аморально. Магнаты опасались, как бы он не занял ответственный пост, позволявший ему осуществить на практике свои планы.

Двое нацистов, один из которых принадлежал к иерархической верхушке, а второй был успешным журналистом, на взгляд деловых людей, отличались сравнительным здравомыслием. Грегор Штрассер – один из организаторов нацистской партии, скромный рабочий лидер, отлично разбирающийся в бизнесе и индустрии. Промышленники сочли необходимым помочь ему и усилить его положение в противовес «дикарям», составляющим окружение Гитлера.

Другой – Вальтер Функ, главный редактор берлинской консервативной газеты «Бёрзенцайтунг», ежедневного издания, посвященного финансам, бизнесу и индустрии. Он втайне вступил в ряды нацистов, продолжая свою работу, как делали многие нацисты, и попутно держал экономическое новостное издание. Приняв многие положения нацизма, в экономике он придерживался более или менее «нормальных» взглядов. Поэтому деловой мир считал его достойным поддержки как еще одного противовеса радикализму Готфрида Федера¹².

И Штрассер, и Функ получали скромные субсидии от промышленников – не слишком большие, но достаточные, чтобы они могли поделиться своими взглядами с товарищами по нацистской партии в расчете повлиять на них и направить экономику в умеренное русло.

В Берлине жил человек, которого знали все промышленные бароны и который считался необыкновенно гибким политиком и экономистом – «финансовый гений» Ялмар Шахт. «Уж он-то знает, что происходит, – говорили промышленники. – У него самые обширные связи. Интересно, что он думает о Гитлере?»

---

¹¹ Невилл Чемберлен гордо уверял, что никогда не читал «Майн кампф», хотя мог приобрести эту работу в английском переводе.

¹² На Нюрнбергском процессе Функа судили как военного преступника и приговорили к пожизненному заключению.

Шахт, основатель немецкой демократической партии и потенциальный кандидат на пост президента рейха, в 1930-м был назначен президентом Рейхсбанка, присутствовал на гарцбургском конклаве «национальной оппозиции», и теперь его часто призывали в штаб Гитлера, расположившийся в берлинском отеле «Кайзерхоф», буквально в нескольких шагах от канцелярии рейха. Этот умный и лукавый экс-президент Центрального эмиссионного банка Германии увидел в Гитлере победителя и поставил на нацистов, неудержимо рвущихся на политическую вершину страны.

Еще 29 августа 1932 года Шахт, в частности, писал Гитлеру:

«Своим письмом хочу заверить Вас в моем неизменном сочувствии в связи с серьезными препятствиями. Я знаю, Вы не нуждаетесь в утешении... Однако в этот тяжелый период Вы оцените признания в искренней дружбе. Ваше движение набирает силу благодаря его крайней справедливости и необходимости, так что победа в том или ином виде просто не может не прийти к Вам.

Где бы мне ни пришлось работать в ближайшем будущем, Вы можете полностью рассчитывать на меня как на Вашего преданного помощника»¹³.

12 ноября 1932 года он писал нацистскому лидеру:

«Позвольте мне лично поздравить Вас с тем, что Вы стали придерживаться твердой линии сразу после выборов. Я нисколько не сомневаюсь в том, что такое развитие событий может закончиться только одним – Вашим назначением на пост канцлера...

Я полон уверенности в этом, поскольку вся нынешняя система обречена на гибель».

Видимо, Шахт просто не нашел места для упоминания об этих письмах в своих мемуарах¹⁴.

Те, кто знал Шахта, самой сильной чертой его характера считали присущую ему амбициозность. Он полагал стать спасителем Германии после полного провала нацистов на государственном поприще. Поэтому можно с уверенностью сказать, что его преданность к Гитлеру была не такой наивной, как казалось. И приведенные здесь отрывки из его писем, возможно, следует понимать в свете его амбиций.

Сейчас уже весь мир знает, что позднее Шахт, как и Тиссен, горько жалел, что предал свое прошлое и поставил свои способности и знания на службу антидемократическому движению такого же честолюбивого деспота, как и он сам. Он противостоял нацистской иерархии как президент гитлеровского Рейхсбанка и министр экономики, боролся с финансовыми мерами, которые считал губительными для немецкой экономики, и поддерживал постоянную связь с группой, боровшейся за свержение Гитлера и его сторонников. Конец гитлеровского режима он встретил в концентрационном лагере. Нюрнбергский суд оправдал его.

Но нельзя отрицать, что в тот момент позиция Шахта оказала огромное влияние на мечущийся в поисках опоры деловой мир. То, что он поддержал политику Гитлера, значительно умножило число сторонников нового хозяина.

Некоторые осторожные промышленные магнаты продолжали состоять членами немецкой народной или немецкой национальной партии, но при этом втайне получали удостоверения личности, подтверждающие, что они являются членами национал-социалистического движения. Другие считали достаточным, чтобы в нацистскую партию вступил один из членов правления директоров их предприятия, что позволяло им обоим быть в курсе всех событий, а также – в случае прихода Гитлера к власти – доказать, что «они всегда были за него». Но таких было не так много.

---

¹³ Berndorff H.R. General zwischen Ost und West. Hamburg: Hoffmann und Campe Verlag, 1952. S. 218.

¹⁴ Schacht H. Account Settled. London: G. Weidenfeld & Nicolson, 1949.

6 ноября 1932 года, во время недолгого пребывания Франца фон Папена на посту канцлера, в результате очередного роспуска рейхстага, характерного для этого беспокойного периода, немецкий народ снова отправился на выборы. Впервые после ошеломляющего успеха Гитлера на выборах в сентябре 1930 года, его партия потерпела серьезный провал. Количество ее делегатов, прошедших тогда в парламент, снизилось с 230 из 680 до 196 из 584, то есть упало с 37,3 до 33,1 %.

Вскоре после выборов Вильгельм Карл Кепплер, один из главных экономических советников Гитлера, в надежде помочь нацистам подняться, составил письмо с рекомендацией назначить Гитлера канцлером. Он предложил крупным промышленникам подписать его и передать президенту Гинденбургу. Это письмо имело непредвиденные последствия: оно сыграло важную роль в главном Нюрнбергском судебном процессе¹⁵ по военным преступлениям и вновь неожиданно всплыло во время выборов в бундестаг 1953 года. В обоих случаях его рассматривали как предполагаемое доказательство того, что германские промышленники решили навязать Гитлера Гинденбургу против его желания.

В предложенном Кепплером тексте письма говорилось следующее:

«Ваше Высокопревосходительство, глубокоуважаемый господин Рейхспрезидент, мы, нижеподписавшиеся, подобно Вашему Высокопревосходительству, вдохновленные страстной любовью к немецкому народу и к родине, с большой надеждой приветствуем фундаментальные изменения в работе правительства, к чему расчистило дорогу Ваше Высокопревосходительство. Совместно с Вашим Высокопревосходительством мы подтверждаем необходимость независимости правительства от парламента, выражающуюся в идее президентского кабинета, сформулированной Вашим Высокопревосходительством¹⁶.

Итоги выборов в рейхстаг, прошедших 6 ноября, показали, что нынешний кабинет, в чьих благородных намерениях немецкий народ не сомневался, не получил достаточной поддержки курса, которому он предполагал следовать, тогда как указанная Вашим Высокопревосходительством цель поддерживается основным большинством немецкого народа, кроме коммунистической партии, отрицающей государство. Против нынешнего парламентского партийного режима выступают не только немецкая национальная партия и близко стоящие к ней небольшие группы, но также и национал-социалистическая рабочая партия. Тем самым все они одобряют цель Вашего Высокопревосходительства.

Мы считаем это событие чрезвычайно отрадным и находим недопустимым, чтобы достижение Ваших целей было сорвано, если позволить правительству и дальше существовать в форме, признанной неэффективной.

Становится ясным, что частые роспуски рейхстага, за которыми следуют новые выборы с еще более ожесточенной борьбой партий, необходимо заменить не только политической, но и экономической устойчивостью и стабильностью. Однако также ясно, что любое изменение конституции, не поддержанное широкими массами, приведет к дальнейшему ухудшению экономической и политической ситуации и к упадку морального духа.

Поэтому мы считаем долгом своей совести верноподданно просить Ваше Высокопревосходительство, чтобы для достижения поддерживаемой всеми нами цели Вашего Высокопревосходительства был создан такой кабинет, в результате деятельности которого правительство обретет наиболее мощную народную силу.

---

¹⁵ Proceedings. Vol. XXXIII. P. 531–533.

¹⁶ Идея Гинденбурга относительно президентского кабинета была отчасти аналогичной американской системе, при которой после утверждения членов кабинета министров конгрессом они подчиняются президенту, а не законодательной власти. В большинстве европейских парламентов члена кабинета можно объявить лишенным доверия, после чего он автоматически уходит в отставку. В прежнем германском рейхстаге Веймарской республики члены коалиционного кабинета обычно подчинялись распоряжениям своих партий.

Мы, промышленники, свободны от каких-либо политических пристрастий. В национальном возрождении, охватившем сейчас весь наш народ, мы с надеждой видим зарю того времени, когда благодаря устранению классовых противоречий укрепятся необходимые основы для восстановления немецкой экономики. Мы сознаем, что это восстановление потребует огромных усилий и жертв. Но эти жертвы будут с готовностью принесены лишь в том случае, если руководящие посты в правительстве будут занимать представители самой массовой части народного движения.

Передача лидеру крупнейшей национальной группы ответственного руководства президентским кабинетом, составленным с участием наилучших по своим деловым и личным качествам деятелей, устранил недостатки, свойственные любому массовому движению, и привлечет к сотрудничеству миллионы людей, которые пока что остаются в стороне.

В полном доверии к мудрости и к чувству тесной связи с народом Вашего Высокопревосходительства мы выражаем Вашему Высокопревосходительству наше глубочайшее уважение».

Один американский следователь подтвердил в Нюрнберге, что копия этого документа была обнаружена в руинах здания кёльнского банка Штайна, партнером которого был барон Курт фон Шрёдер. К нему были прикреплены два списка с именами, в одном из которых числилось 40, а в другом 38 воротил делового мира, причем многие находились в обоих списках. Многие имена были помечены крестиком или буквами, после некоторых стоял знак вопроса.

Несомненно, документ подписал Ялмар Шахт. Карл Фридрих фон Сименс и Пауль Силверберг, чьи имена встречаются в обоих списках, высказались против этой идеи и отказались подписать письмо. Однако они были названы в числе тех, кто действительно подписал его. Тщательное изучение архивов Круппа не дало никаких доказательств того, что Густав Крупп фон Болен получил это письмо или подписал его. Фриц Тиссен, Август Роштерг, Фридрих Рейнхардт и Курт фон Шрёдер, чьи имена тоже фигурировали в обоих списках, вполне могли его подписать. Появление большинства других имен в списках трудно объяснить.

Была ли эта петиция отправлена президенту Гинденбургу? Доказательств этому не имеется. А если была, то чьи же подписи под ней стояли? Недавно Шахт на прямо заданный вопрос ответил, что желание подписать ее выразили всего несколько крупных магнатов. Более чем невероятно, чтобы Пауль Ройш, Альберт Фёглер и Роберт и Карл Бош согласились поддержать своим авторитетом идею Кепплера.

Предположим, что петиция была доставлена адресату. Почему в таком случае практичный Йозеф Геббельс не счел нужным использовать этот факт в своей пропаганде? Ведь не побоялся же он заявить, что Гитлера поддерживали все промышленники, хотя петиция была подписана всего тремя или четырьмя именами. Но вот письмо, которое так и не было отправлено рейхспрезиденту, он опубликовать не решился.

Таким образом, составленное Кепплером письмо утратило свою ценность как предполагаемое доказательство позиции немецких промышленников.

Однако остается вопрос: как могло случиться, что Кепплер возымел эту смелую инициативу? Для этого должны быть серьезные причины. Их легко найти в убежденности деловых и промышленных кругов, что

Германию ждет неминуемая катастрофа, которую невозможно предотвратить традиционными мерами, поскольку они не соответствуют масштабам бедствия.

Сегодня, двадцать лет спустя, трудно представить овладевшие немецким обществом уныние и панику. Я спрашивал тех ветеранов германской индустрии, с кем мог встретиться, об их настроении в конце 1932 года. Они утверждали, что никому из них и в голову не приходило сделать Гитлера диктатором; они вовсе не были уверены в том, что нацистский лидер отвечал требованиям момента. Правда, он был непримиримым противником коммунизма, к тому же, казалось, обладал необыкновенным авторитетом в Германии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.